

УДК 398.3(=811.511.1)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ТЕКСТАХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ (по русским и финно-угорским фольклорным материалам)¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматриваются семантические особенности текстов народных примет, отмеченных в русской речи и фольклоре Прикамья и в финно-угорских культурах и языках (коми, удмуртском, марийском). Выявляется типологическая близость этих примет, их соотнесенность с комплексами традиционной культуры (магической, календарной, семейной обрядностью). Исследуются мотивированность, особенности внутренней формы, естественно-научная и мифологическая основа, логический и мифологический подтекст народных примет. Характеризуются культурные ассоциации ключевых слов-символов в приметах, имеющих аналогии в исследуемых языках и культурах; описываются состав и типы используемых в приметах символов; делаются выводы об этнокультурной специфике данного жанра.

Ключевые слова: язык и фольклор; мифопоэтика и этнопоэтика фольклора; символотворчество в традиционных культурах; символ в фольклорном тексте; народные приметы; типологические соответствия и этническая специфика малых жанров фольклора; семантика и мотивированность народных примет.

Народная примета в последнее время стала объектом повышенного внимания ученых и активно исследуется как фольклорный жанр и как текст традиционной культуры, наделенный ярко выраженным лингвокультурологическим потенциалом [Иванова 2005; Кулькова 2011; Садова 2003а, 2003б], как лингвистический и стилистический феномен и факт народного речевого творчества [Гридина, Коновалова 2002; Купцевичова 2010; Христофорова]. Достаточно древнее языковое образование, нередко обладающее глубоким мифологическим подтекстом, примета активно развивается и в современных условиях, обладая, следовательно, своей социально-культурной значимостью [Симашко 2011]. Исследователей привлекает такое качество примет, непосредственно отражающееся на их лингвистических характеристиках, как повышенное прагматическое начало, способность через выраженный в них прогноз указывать на благоприятные или тяжелые для дел обстоятельства, успех или неудачу в хозяйственных и личных делах, так или иначе регулировать поведение носителя традиции [Семененко 2011]. Важный аспект современных описаний примет – их сопоставительное исследование в разных языках. Сравнение русских, английских, татарских, немецких

примет ([Закиров 2009; Туганова 2011; Фаттахова 2004, 2009; Харченко, Тонкова 2008]) показывает, что в них находит яркое отражение этнокультурная специфика: тексты примет, концентрирующие в себе многовековой народный опыт, отражают стереотипы сознания этноса, содержат разнообразную информацию о его духовном мире. В настоящей статье на материале примет, бытующих в русской и финно-угорской народных культурах (русской, коми-зырянской, коми-пермяцкой, в удмуртском и марийском языках), рассматривается мотивационная основа и символика примет, их возможность выступать в качестве средства символической категоризации окружающего мира. Символические формы осмысления мира, в отличие от логической категоризации, которая основывается на причинно-следственных отношениях, отражаются в образах; в текстах примет обычно это ключевые слова, на которые «нанизан весь текст приметы» [Агапова 2012: 10]. Анализ культурной семантики ключевых слов помогает понять культурные установки той или иной этнической традиции, особенности этнического символического мышления, определить зоны взаимодействия традиционных культур народов России, исторически ха-

рактизирующиеся теснейшими хозяйственными и культурными связями².

Определение этнически специфичного содержания многих примет затруднено тем, что «учтенные» в них законы физики, ботаники, биологии, зоологии универсальны. Многие приметы строятся на наблюдении, взятом из реальности, содержат в своей основе практические, выверенные опытом знания, наблюдения человека за поведением животных, за явлениями растительного мира, за собственным самочувствием. Колебание влажности воздуха, например, учтено в известных приметах о том, что *дым из печных труб идет вверх перед ясной погодой, что дрова в печи горят ярко перед вёдром*. В них, как и в соответствующих им коми-пермяцких приметах *если зимой у горящей лучины уголь держится и из трещин на ней идёт дым, будет снег и метель, а если отскакивает, будет мороз; лучина сильно дымит – к снегу*, тусклое бледное пламя, неполное сгорание топлива, образование дыма и сажи, слабая тяга осмыслены как признаки высокой влажности воздуха, близкого ненастья. Примета *если в поле далеко раздаётся голос, то будет дождь* также мотивирована законами физики – с увеличением влажности возрастает плотность воздуха, а следовательно, и его способность проводить звук. В приметах *мухи на пол (на стены) садятся – к дождю, сидят тихо – будет дождь, перед дождем пчелы не улетают далеко от улья* также фиксируется колебание влажности воздуха – у насекомых при ее повышении тяжелеют крылья (поэтому *перед дождем низко летают ласточки*). Синоптические способности насекомых учтены в русской примете *если муравьи собираются на макушке муравейника и мало двигаются, будет плохая погода*, в коми-пермяцкой примете оформлены как специальный прием. Чтобы узнать погоду, нужно воткнуть в муравьиную кучу ветку и смотреть: *если муравьи по ней добегают до самого верха – будет тепло, а невысоко – еще неделю будет холодно* (муравьи вяло двигаются перед дождем, реагируя на изменение атмосферного давления и влажность воздуха). Животные «способны» и на более длительные прогнозы: *вундигон ко шыр поз муын, ар пом кос лоо, а турун вылын ко – зэра лоо* (коми-зырянск. «если во время жатвы мышиное гнездо на земле – сухая осень будет, если на траве – дождливая»). Необходимая для выживания способность животных предвидеть погоду на достаточно длительные сроки по признакам, которые человек не ощущает, очевидно, является результатом естественного отбора, закрепилась у них на генетическом уровне. В русской культуре к отмеченной коми-пермяцкой примете близка старая примета *если полевая мышь вьет гнездо высоко, на корню*

хлебов, то цены на хлеб будут высокие (здесь конечным является прогноз на цены, который опосредован указанием на плохой урожай, в свою очередь, связанный с дождливым летом; ср. в этой же связи приметы *не будет урожая грибов да ягод – не будет и хлеба; не будет за полем – не будет и на поле*).

Взаимосвязь реального и прогнозируемого явлений в примете обычно не отмечается: *если хомуты отпотели и стали мягкими, если узлы на льняной веревке плохо развязываются, скоро будет дождь* (наблюдение-прогноз связано с гигроскопичностью и пористостью кожи, со свойствами льна, растения с особой трубчатой структурой волокна, изделия из которого отличает идеальная способность впитывать влагу). Распространенная русская примета *много мошек – готовь лукошек* основана на имплицитном указании на влажное начало лета, что проявляется в обилии насекомых и сулит большой урожай грибов и ягод. Аналогично охотничья примета *много маслят – много зверят* с прогнозом на удачливый для охоты на пушного зверя сезон строится на указании на обилие корма для белок (белки, названные в примете эвфемически гиперонимом *зверята*, едят разные виды грибов, но, действительно, предпочитают маслята – грибы, богатые ценными аминокислотами). В рыбацких приметах также учитывается реакция рыбы на изменение температуры, давления. Примета *июнь – на рыбу плюнь* указывает на связь слабого клева рыбы (прежде всего крупной) с прогреванием воды, от которого рыба и становится вялой. Примета *север и восток – не ходи на исток* подмечает изменение температуры с приходом холодного северо-восточного ветра (в ряде мест России его и называют *зимняк* [СРНГ 11: 277]).

Несмотря на то что практическое обоснование прогноза в примете обычно не формулируется и подмеченная в ней закономерность часто остается непонятной, примета сохраняет устойчивость, поскольку положенная в ее основу связь выверена временем и запечатлена традицией. В выражении *хвост у коровы длинный – и молоко длинное будет* (пермск.) подмечается одна из особенностей коров, которую учитывали, когда покупали корову («длинное» молоко означает здесь способность коровы долго давать молоко перед новым отелом, «запуском»). Длинный тонкий хвост коровы на самом деле является вполне точным показателем ее молочности – свидетельствует о более длинных, увеличенных позвонках и растянутости средней части туловища животного. Этот экстерьер животного (по-народному – «стать»: длинное, растянутое туловище и соответственно хорошо развитое брюхо) косвенно указывает на развитость пищеварительных орга-

нов животного. Устойчивость приметы показывает наличие ее аналога в коми-пермяцком языке (*бур мұсыс, йцла мұсыс, овлц кузь бцжа* – «у молочной коровы – длинный хвост»), коми-зырянском языке (*бцжыс ко пидзос гогыльодзыс воо, сйю йола мос лоо коми-зырянск* – «если хвост до коленной чашки, будет корова молочной»).

Кроме универсальности положенных в основание примет объективных (хотя и стихийно выведенных народной практикой) закономерностей, важным обстоятельством, затрудняющим выявление этнической специфики примет, является универсальность зафиксированных в них мифологических воззрений. Приметы не только плод наблюдательности крестьянина, промысловика, но и результат бессознательного мифотворчества; значительная их часть основывается на приписывании предметам и явлениям внешнего мира магических свойств, на так называемых суевериях, когда человек принимает за реальность неведомые силы, способные предвещать события и даже влиять на них. «Сила» таких примет во многом базируется на типологической близости и сходстве даже генетически не родственными традиционными культур. Феномен удивительного подобия мотивов, сюжетов и образов мифологий народов мира остается до конца не объясненным и обусловлен не только культурными заимствованиями, миграцией культурных образов и сюжетов, но и материальной тождественностью мира, сходством природных и социальных ситуаций, психофизиологической общностью человечества [Неклюдов 2004].

В суеверных приметах, в отличие от научно обусловленных, игнорируется прямая причинно-следственная связь между интерпретируемым событием и предсказанием, но в той или иной степени сохраняется логика мифа. Например, вполне «научной» можно назвать примету *если дрова горят с треском – к морозу* (русс.). Она находится в одном ряду с узнаванием погоды по топящейся печи, углям, даже цвету огня. Эти признаки детализированно представлены в русских, коми-зырянских приметах: *белый огонь в печи – к оттепели, в печке дрова шипят – к бурану, пачын огыр дзирдало – кодздодас* («угли сверкают в печи – похолодает»); *пачын ко биыс полясьо – пурга босьтас* («если в печке огонь попрыгивает – пурга будет»); *шом кельдодо пач пытшкын – кодзыд водзын* («угольки в печке блекнут перед холодной погодой»); *огыр ко голыкыло – кодздодас* («если угли звенят, когда их колотят – похолодает»); *лоз би ко пачысь кайо – шондодас* («если синий огонь поднимается из печи – потеплеет»). «Погодное» значение приметы связано с тем, что перед холодами поднима-

ется давление воздуха и улучшается тяга, отчего влага в дровах превращается в пар быстрее (вскипает и резко разрывает древесину). В коми-пермяцкой среде примета о трещащих дровах может получить суеверное истолкование: *кыдзи лонтікц шоммес лыйсьыны, сэки свадьба вылц локтасц лёк сина морттээз, кцдна вермасц волдзавны томмесц* («если дрова горят с треском, значит, на свадьбе есть человек с завистливыми и портящими глазами, способный сглазить»). Приложение предвещающей морозы приметы к колдовской теме обусловлено особым народным восприятием горения как жизни, огня как очистительной силы, контрастной по отношению к холоду, с которым, в свою очередь, связаны идеи нежизненности, смерти. Показательна и редкая русская примета о том, что *потухшие угольки из печи вылетают к незванным гостям, а горящие – к визиту родни*. Позднее, очевидно, формируется общепозитивный смысл хорошо, активно топящейся печи, ср. в марийской примете: *если печь гудит при топке – жди гостей*. Примета постепенно была упрощена и сейчас более известна лишь как доброе предзнаменование: *уголек выпадет из печки – гость придет; шом чеччыштас пачысь – гость воас* (коми-зырянск. «если уголек из печи выпал, когда в ней мешают, – к гостям»).

Печь, следовательно, выступает в исследуемых культурах не только как предсказательница погоды, но и будущего, как защитница и помощница. Более отчетливо этот смысл выражают коми-пермяцкие приметы *если печь устьем в другую сторону передельываешь, это к смерти хозяина; если печь плачет* (текут черные подтёки от трубы) – *к смерти кого-либо из семьи*, где печь «предсказывает» судьбу. Вообще мистическая способность огня «говорить», предсказывать учтена в разнообразных формах народной пиромантии. Так, ровный огонь в печи, одинаково быстро, без углей прогорающие дрова в банной каменке в ритуале невестинной бани предвещают спокойную жизнь новобрачных. Подобные символические смыслы горения очевидны в приметах *свечка в церкви хорошо горит – будешь здоровым, гаснет – к болезни* (коми-перм.); *у кого из молодых во время венчания быстрее сгорит свеча, тот умрет первый* (русс.).

В приметах, считающихся суеверными, задействованы базовые для любой традиционной культуры символические категории – стихии, звезды и планеты, животный и растительный мир, соматическая сфера человека. Доминирующей в таких приметах является конкретно-предметная, прежде всего природная и артефактная, лексика, поскольку само народное мышление отличает наглядная образность, кон-

кретность, чувственность. Эта лексика подвергнута символическому переосмыслению, на основе чего за лексической единицей закрепляется условный (часто трудно формулируемый) культурный смысл. При этом артефактная лексика для текстов народных примет не самая частотная. Обычно в приметах встречаются названия предметов, наделенные богатыми символическими смыслами. Внешне случайное соотнесение *туйц петігци кц кизь орц, абу бур водзц* (коми-зырянск. «пуговица перед дорогой оборвалась – не к добру») – примета известна и в русской среде) основано на почитании пуговицы, которая в прошлом понималась как своеобразный магический оберег, символический аналог креста (пришивается в форме крестика; отсюда и обычай братья за пуговицу, чтобы избежать плохого, напр., переходя через кошачий след).

Часто знак будущего являет собственно ритуальный предмет. Распространенную у коми-пермяков примету *покрасившееся равномерно пасхальное яйцо обещает хорошее лето, а с белыми пятнами – плохое* можно соотнести с известным русским гаданием по пасхальному яйцу (в гаданиях на будущее девушка с завязанными глазами раскручивала яйцо и катила его к разложенным по углам предметам, при этом замечали, на что укажет яйцо: соль, например, сулила несчастную любовь). Более сложный смысл имеет коми-пермяцкая примета *к Пасхе одно яйцо не прокрасилось – будет покойник*. Крашение яиц, символизирующих жизнь, есть своего рода ритуальное моделирование воскресения (неслучайно при крашении яиц хозяйка должна трижды читать молитву – пермск.). Как из белого яйцо становится красным, так и воскресают мёртвые; оставшиеся на нём белые пятна ассоциативно связываются с нежизненностью.

Коми-пермяцкая примета *кепись усяс вывлань певнас – туй висьталц* («варежка упала вверх большим пальцем – дорогу предсказывает»), соотносящаяся также с русским гаданием (старое святочное гадание на суженого, сходное с известным гаданием по брошенной за ворота обуви), основана на символике варежки. Варежка, как и человеческая рука, ассоциируется с обладанием; кроме приметы со случайно упавшей варежкой, у коми-пермяков известно аналогичное гадание на удачу. Охотник перед выходом в лес узнаёт, будет ли удачной охота (стоит ли отправляться из дома), подбрасывая вверх варежку; *если варежка упала большим пальцем вверх – повезет*. В гадательной, обрядовой версии задействован известный в разных культурах знак одобрения – поднятый вверх большой палец. Родственный гаданию текст приметы о случайно упавшей вверх большим пальцем варежке, пред-

сказывающей дорогу, является, как видим, бытовым развертыванием специального промыслового ритуала.

Семантическое разнообразие демонстрирует в приметах символически охарактеризованная лексика природы. Равнозначимыми в них становятся события космические и события микромира. Изменение привычного облика светил, созвездий, другие небесные события соотносятся чаще с катастрофическими событиями. Примета *война водзад по асья кья кодзульд дзикодз бырліс* («перед войной Утренняя звезда совсем пропала») – коми-зырянск.) отталкивается от общего для мировых культур представления о неизменности неба, знака божественного гармоничного мироустройства. Аналогично в марийской примете *если в созвездии Шокте шўдыр* (Плеяды, или Решето) *видны не семь, а только шесть звезд, это к несчастью*. В качестве предвестника войны и в русской, и в коми-пермяцкой среде выступает небо, окрашенное в красный цвет, который соотносится с цветом крови: *«Перед войной небо красное всё стало»* (с. Романово, Усольский район, Пермский край); *«Перед войной небо было как кровь красное»* (д. Зинково, Косинский район, Коми-Пермяцкий округ).

Идея участия мира и природы в жизни человека (архаичное представление о психосоматическом единстве человека и космоса) проявляется также в приметах с образами насекомых. Приметы с энтомонимами типа *белые бабочки летают в начале лета в большом количестве – к войне, первой весной увидишь красную бабочку-капустницу – к радости, белую – к покойнику* имеют экзистенциальный смысл. По сути, в основании суеверной приметы лежит реальная ситуация: *если весной много белых бабочек, то лето будет дождливое и будет много молока*. Эта примета, в свою очередь, отсылает к другому тексту: *если весна теплая, то лето будет мокрое*. Сходный смысл имеет примета *тулысын бобув первой аддан – нимкодясян воц лоц – няньыд оз кынмы* (коми-зырянск. «если весной первым увидишь бабочку, радостный год будет – хлеба не померзнут»); в ней также в конечном счете говорится о тепле как основе растительного изобилия. Осмысление массового появления белых бабочек в исходных выражениях продиктовано объективными обстоятельствами: как и все массовые насекомые, бабочки имеют так называемую «волну жизни», и ее максимум связан с аномально теплой погодой. В сопряжении бабочек со смертью используется известная символика бабочки как души, содержится рефлекс древней символики белого как потустороннего, связанного со смертью, а красного – как жизни.

Важная часть словаря символов примет – мифологически коннотированные орнитонимы. Прямые аналогии характерны для многих русских и финно-угорских примет с образами птиц. Так, марийская примета *если кукушка летом кукует долго, то и пчелы роятся долго* соотносится с русской: *если кукушка продолжает куковать после Петрова дня – лето будет хорошее и долгое*. И в том и в другом тексте кукушка, посредник между этим и «тем светом», «повелитель» времени, своим пением «стимулирует» рост злаков и трав [Гура 2004: 37]. И в русской, и в коми традиции отмечен связанный с отмеченными смыслами мотив: «кукушка давится ячменным колосом и теряет голос после Петрова дня» (коми-зырянск. *ид шеп йыв ко мыччысьома, коклон тупкыяс вомыс* «когда покажется ячменный колос, кукушкино горло закрывается»).

Среди примет, связанных с названиями домашних животных, преобладают тексты с образом кошки. Народные приметы в разных культурах фиксируют исключительную способность кошки чувствовать самые незначительные перемены окружающей среды – погоды, эмоционально-психологического фона в доме, даже болезней его обитателей. Коми-зырянская примета *кань син дзоля – кодздодас, кань син ыджыд – шондодас* («кошачий зрачок маленький – подморозит, зрачок большой – потеплеет»), вероятно, подмечает большее возбуждение кошки и возрастание ее активности с приходом тепла (суженные зрачки, очевидно, свидетельствуют о ее расслабленности). Русские приметы *если кошка бежит, играет – дождя не будет; кошка пытается вырваться из дома ночью, при этом громко мяукая – плохая погода простоят несколько дней*, как считается, строятся на фиксации способности животного чувствовать самые минимальные электромагнитные и инфразвуковые колебания в атмосфере. В этом ряду выделяется коми-пермяцкая примета *если кошка ближе к полуночи просится на улицу, то в доме обитает нечистая сила*, которая воспроизводит архаичное представление о мистической способности кошки «видеть» духов.

Устойчивые ассоциации мыши со смертью отражены в коми-пермяцкой примете *шыррез йирицы паськым, кинкц кулас* («если мыши грызут одежду – к смерти»), в марийской примете *пробежит мышь по человеку – к его смерти*. В них точно так же, как и в славянских культурах, мыши предстают как хозяева хthonоса, как одно из воплощений смерти; как персонаж, с которым связывается изменение форм существования человека и природы [Черепанова 1996: 14] (тот же смысл выражен, например, в старой русской поговорке *смерть, как мышь, голову отъест*). В

ряде случаев могут быть реализованы и противоположные смыслы символа *мышь*: так, противопоставленные по прогнозу коми-перм. *увидишь весной первой мышку – плохо лето проживешь*, коми-зырянск. *тулысын ко первой аддзан шырос – бур лоо* («увидишь весной первой мышку – к добру») иллюстрируют сохранение в составе символа смыслов, связанных с архаичным восприятием смерти, его амбивалентность (ср. также русск. *мышь портит товар – к прибыли*, болгарская примета *мышь погрызет девушке приданое – она выйдет замуж за богатого* [Гура 2004:349]).

Разнообразны в приметах растительные символы. Коми-пермяцкая примета *если из посаженных овощей ничего не возшло, год моей смерти пришел* соотносится с русской (пермск.) приметой *если на огороде у хозяйки ничего не родилось, в этом году умереть* (известен также вариант *если выросшие капуста, бобы и другие растения имеют белый цвет, это предвещает болезнь и даже смерть хозяина*). В этих приметах рост растений выступает как показатель неизбытности природной энергии, а прекращение этого роста – как иссякание жизненной силы хозяина. В сходных приметах реализуются близкие мифологические коннотации названий тех или иных деревьев. Так, отмеченный в тюркских, уральских и индоевропейских языках культ березы как священного дерева мотивирует действующий в ряде мест Прикамья запрет высаживать ее у дома и соответственно приметы *береза у дома растет – родственники рано умирать будут* (марийск.), *мальчики рождаться не будут* (коми-язвинск.), *мужики выведутся* (русс.). Как дерево, связанное в традиционных культурах с идеей исключенности из жизни, как символический медиатор между мирами, береза особенно почитаема у марийцев (хорошо известен марийский запрет рубить березу, если она даже мешает; обычай высаживать березу на задворках при рождении внука). Сходные смыслы имеет в коми-пермяцкой культуре кедр. Дереводолгожитель, вечнозелёное растение считалось священным у многих народов, у коми-пермяков и в культуре русских Северного Прикамья до сих пор сохраняется запрет высаживать его перед домом. Категоричный запрет на любое бытовое контактирование с кедром выражает приведенный ниже текст, записанный от коми-пермячки: *«Кедр голову забирает. У нас отец сделал кедровые подоконники, чтобы они крепче держались, не гнили. Пять подоконников. И пятеро дочерей умерли, только я шестая вот выросла. Кедр не нужно приносить домой, ничего не нужно из него делать»* (зап. в с. Мысы, Гайнский район).

Источником информации о грядущих событиях часто служит собственное тело человека. В примете *кык юр пыдоса кага ко чужо, сйю ворын козяин лоо* («если ребенок родится с двумя макушками, будет на охоте хозяином леса» – коми-зырянск.) по сути детализируется известная в русской среде примета *ребенок с двумя макушками вырастет счастливым* (вероятно, два вихра у человека здесь были осмыслены как удвоение его жизненной силы, ср. представление о чрезвычайно сильном, выраженное в слове *дву-жильный*). Особенно большое количество соответствий отмечается для примет-предчувствий, основанных на ощущениях тела, где реализованы символические смыслы соматизмов. Ухо ассоциативно связывается с известиями (*шуйга пеляд ко тиньгас – шог юор воас, а веськыдад ко – бур юор* «в левом ухе звенит – придет печальная весть, в правом – хорошая» – коми-зырянск., известен и русский аналог приметы). Локоть и у русских, и у коми ассоциируется с возможностью человека иметь свободу действий, действовать и чувствовать себя свободно: коми-зырянск. *гырдза лудц, виль местаын пондан узьны* («локоть чешется – спать на новом месте», ср. русск. *локоть чешется – к переезду или долгой поездке*). Нога соотносится с движением, дорогой: *шуйга кокыд ко чужйыяс, оз удайтчы туйыд* (коми-зырянск. «если левой ногой споткнешься, дорога будет неудачной»); *шуйга кок пыдос ко лудо – оз ло шуда туй* («если чешется подошва левой ноги, будет путь несчастливым»), *веськыд кок пыдос ко лудо, шуда туй лоо* («если чешется подошва правой ноги, дорога будет счастливой»); ср. русские приметы типа *войти в новое место с левой ноги – к несчастью, подошвы чешутся – к дороге*. В отмеченных, как и в массе других русских и коми примет, мотивация задана также символикой правого, которое обычно ассоциируется с правильным, и левого, которому в разных культурах одинаково приписывается отрицательный смысл. Выпадающая по своему смыслу из общего ряда коми-пермяцкая примета *если чешется подошва левой ноги – к хорошей дороге*, как и русские приметы *если чешется левая ладонь, скоро получить деньги, левый глаз чешется к радости*, показывают, что правило предполагает исключения. Такие исключения могут быть связаны с тем, что левое в определенных ситуациях может получить бульшую сакрализованность, силу и позитивный смысл за счет намеренной инверсии (такова примета *первый гриб бери левой рукой, тогда все лето будешь с грибами* – пермск.). По приметам, вещее значение имеют неожиданные ощущения в разных частях тела (покалывание, почесывание, онемение и пр.). Немотивированное, неосознан-

ное и навязчивое желание почесать тот или иной участок тела – крайне распространенный в разных культурах знак будущих событий. Зуд, нервно-рефлекторная реакция организма на различные внутренние проблемы (от аллергии до невротозов) может связываться с предощущением горя (с этим связана русская примета *локоть чешется – к сильному горю*), с ожиданием нечаянной радости (коми-зырянск. *веськыд синмыд ко лудо, муса мортос аддзылан* – «если чешется правый глаз, увидишь любимого человека»).

Элементы природного и культурного окружения человека предстают в приметах не сами по себе, а в различных ситуациях. Информативность «поведения» материальных предметов и объектов зависит во многом от времени и места происходящего.

Место, с которым связано предвидение, обычно наделено сакральными характеристиками. Так, примета *всякая встреча из дому на пороге, на крыльце, на мосту не сулит хорошего* опирается на мифологизацию порога, сеней, крыльца, которые в семиотике пространства крестьянского дома выступают в качестве границы между мирами, между своим и чужим. Запрет находиться по разные стороны порога отражен во многих приметах: русск. *через порог не здороваться, не беседовать, если будешь на пороге сидеть – мать умрет* (севернорусск.), *жениху нельзя садиться на порог – детей не будет* (пермск.), коми-перм. *если над порогом принимаешь питье, будешь болеть*, коми-зырянск. *девушке нельзя садиться на порог – жених уйдет*. Почитание, сакральное восприятие порога как места, откуда начинается будущее (ср. фразеологизм *на пороге* ‘о скором наступлении чего-л.’), сохранилось в массе обрядовых форм (лечение заговорами на пороге, роды в тяжелых случаях через порог, обрядовая инверсия – топтание порога невестой, чтобы быть хозяйкой в доме: «У нас одна выходила, дак она на порог ступила да как соскочит. Все бабы-то: «Ну, хозяйка пришла в дом» (с. Володино, Соликамский район Пермского края).

Приметы ориентированы на наиболее сакральные отрезки времени – суток, недели, года. Как русские, так и коми-пермяки, удмурты верят, что *сбиваются сны с четверга на пятницу* (т.е. между днями, обладающими особой магической силой [Голстая 2008: 3]). Выделено в приметах как связанное с верой в нечистую силу вечернее время: *вечером нельзя полы мыть – богатство и счастье вымоешь, нельзя считать и отдавать деньги – не поведутся, хлеб – обеднеешь* и пр. Время события, которое воспринимается как знак будущего, часто связано с календарными датами. Группа календарных примет представля-

ет в каждой из традиционных культур детально разработанную календарную мифологию. Поскольку финно-угорские народы достаточно давно восприняли христианство, календарные приметы имеют в них большое количество совпадений.

Открывающееся будущее прежде всего приходится на Рождество. Сущность предсказания часто мотивируется принципом симметрии народного представления о календаре, и часто приметы прогнозируют подобие погодных условий на полгода: *какая погода после Рождества, такая же будет и после Петрова дня* (русск.), *на Рождество метель – пчелы летом будут хорошо роиться* (русск.), *если в Рождество и старый новый год «звездно», летом будет много грибов и ягод, если в Рождество на стеклах зимой от мороза широкий лист – сено в этом году будет доброе, Рцитвосьянь Крещеньцыз кцдыд кц лоц – Петыр лунсянь да Прокопейцыз мича лоц* («если от Рождества до Крещенья холодно, то от Петрова дня до Прокопьева – ведро» – коми-зырянск.), *морозы накануне Рождества – к хорошему меду* (марийск.). Принцип тождественности одновременных событий проявлен и в приметах *зима без метелей – лето без дождей, какова погода первого апреля, такова и первого октября, какой день в Николу зимнего (19 декабря), такой и в Николу летнего (22 мая)*.

Васильев вечер – рубежное время между старым и новым годом – считался идеальным временем для гаданий, соответственно с ним связано немало примет. В коми-пермяцкой примете *Василий вечер кымура – уна съдъягцд (чид) шогмас* («в Васильев вечер пасмурно – много черники будет») прогноз строится на представлении о том, что метель на Василия означает дождливую вторую половину лета (черника поспевает с середины июля, и в дождливое лето ее урожайность всегда выше). Это же указание содержит русская примета *если на Васильев вечер снег идёт – сенокос в новом году будет мокрый*. Коми-пермяцкая примета *Василий вечерц небоын уна звезда – пошит подалц бур год* («в Васильев вечер на небе много звезд – мелкому скоту хороший год») также имплицитно указывает на хороший рост трав. В противоположных приметах *в Васильеву ночь звездно – к урожаю ягод, Василей вояд ко кодзула, чодыйд артмас* («если в ночь на Василия звездно, черника удался» – коми-зырянск.) как знак божественной благодати и изобилия осмысливается звездное небо.

Будущее связывается также с Крещеньем – временем не только преобразования человека, обретения им святости, но и получения провидческих способностей животными (о чем, например, гадания на имя жениха по топоту конских ног в

конюшне – пермск.). Русской примете (пермск.) *если в Крещенье собаки сильно лают, будет много зверя и дичи* соответствует коми-пермяцкая примета *на Благовещение собаки лают – значит, звериный будет год*; обе приметы основаны на приписывании собакам мистических способностей (ср. также: *собачий лай слышать в неурочное время – к опасности*). Коми примета *Иван луно ваыс пьдостом, шор Спас (6 янв.) дьрийи ворыс вуджортом* («если на Иванов день вода без дна, то в день Богоявления Господня лес без тени») соответствует отмеченным выше приметам, построенным на условном признании изоморфизма симметричных дат календаря.

Пасхальные праздники также определяют и погоду, и события в жизни людей. По коми-пермяцкой примете *если в первый день Пасхи темная, пасмурная ночь – это к урожайному году*, по русской *если на первый день Пасхи стоит морозная погода – будет хороший урожай*. На Пасху плохой приметой считается у русских, и особенно у коми-пермяков, *если первой в гости зайдет женщина* (пасхальная трапеза обычно проходит в узком семейном кругу, так что ходить в гости в первый день Пасхи не принято; ср. также в старой русской примете *если первой в Рождество войдет в избу женщина из чужих – в этом доме весь год будут болеть бабы*).

Как наделенные знаками будущего воспринимаются в традиционных культурах особые природные состояния – гроза, ледоход на реке. Время ледохода воспринимается как стихия, заключающая в себе и некое губительное, и одновременно очистительное начало (коми-зырянск. *йи кылалгон ко купайччан, став вомицд мунас* «чтобы избавиться от сглаза, надо искупаться во время ледохода»). В народе верят, что ледоход может влиять на погоду: *после ледохода жди тепло* (открывшаяся вода в отличие от льда активно поглощает солнечные лучи, нагревается, что действительно ведет к некоторому возрастанию испарений). И у русских, и у коми-пермяков Прикамья считается, что *если лёд на реке сядет и уйдет не сразу, то впереди будет тяжелый год – бесхлебный, неурожайный или болезненный для людей*. Мотивация приметы – указание на медленное таяние снегов, льда, что сулит дождливое лето и плохой урожай. Более сложный характер имеет примета *Ййон йя мунас – оша год лоас* (коми-язьв. «ночью лед по реке уйдет – медвежий год будет»). Быстрый, без заторов ледоход бывает, если лед на реке (и в ее верховьях, и низовьях) небольшой толщины, т.е. при теплой и одновременно снежной зиме. Примета указывает не на значительное увеличение количества медведей в такой год, а на то, что медведи по осени выбирают места для берлог на возвышен-

ностях, «зная», что ранней весной в низинах будет скапливаться много влаги, которая выгонит их из берлоги до срока (обычно медведи выходят из берлог после вскрытия рек). Ранней, теплой и дружной весной (которая по народным приметам *ничего хорошего не сулит*, тогда как *поздняя весна не обманет*) снеговой покров быстро разрушается, и зверь быстрее покидает берлогу. Примета подмечает и то, что в отдельные неурожайные годы медведь становится более опасен для человека и домашнего скота. Этот же смысл имеет примета *йи кылавтодз ко гымало – ошка во лоо, либо йозлы вывті сьокыд во* («если первый гром прогремит раньше ледохода – к медвежьему году либо к трудной для людей поре» – коми-зырянск.).

Имея определенную реальную подоплеку, отмеченная примета о первом громе базируется и на мифологеме «первого» как аллособытия, которое соотносится с актом творения [Валенцова 2002: 199] (ср. русск.: *до первого грома земля не замерзнет, после первого грома трава пойдет в рост*). На этой мифологеме строятся приметы во всех описываемых традициях: *если при первом громе перекувыркнешься через голову, в этом году не будешь болеть*; аналогичное удмуртское *нырысети гудыръямез кылид ке, музьем вылын погыллыськоно – озы бадзым будод, кужмо луод* («если услышишь первый гром, катайся по земле, кувыркайся через голову – так можно вырасти большим и сильным»); коми-перм. *если в доме услышишь первый гром – плохой год будет*; коми-перм. *если весной первый гром загремит в скоромный день, будет много молока, а если в постный – рыбы*. «Правило», согласно которому первое (начальное) событие рассматривается как знак свыше, само по себе порождает массу примет – *сорвалась первая рыба – клёва не жди; весной первый раз увидишь одного скворца – один будешь жить; увидишь пару – семьей будешь жить* (марийск.), *тулысын бобув либо мазі первой аддзан – нимкодьясян во лоо, няньыд оз кынмы* («если весной первым увидишь бабочку или пчелу, радостный год будет, хлеба не померзнут» – коми-зырянск.); *кто из молодых первым уснет в брачную ночь, тот раньше умрет* (коми-перм.); *кто из молодых первый ступит на коврик перед аналоем, тот в доме и будет властвовать*. Безусловно, идея первого как определяющего начала, того, из чего всё происходит, задействована и в погодных приметах *какая погода первого числа месяца, такой и весь месяц; на Евдокию погожо – всю весну то жо* (по старому стилю Евдокия выпала на 1 марта, т. е. открывала весну).

Этническая специфика примет, имеющих материальное, физическое обоснование, скорее все-

го, минимальна и проявляется, на наш взгляд, прежде всего в модификации, нюансировке универсальных «гадательных» сюжетов. Известная и в русской, и в коми-пермяцкой традиции примета на погоду *маленькие дети плачут или кричат без меры – к дождю* опирается на устойчивые представления о повышенной метеозависимости детей: младенцы остро реагируют на изменение атмосферного давления, влажности и температуры воздуха и перед дождем действительно отказываются от еды, плохо спят, плачут. Коми-пермяцкая примета *если весной дети, играя, чаще собирают камни, то хлеб родится, если шишки – не родится* также ориентирована на детей, но строится уже на более сложном основании. Бессознательный выбор детей, чем играть (швыряться), далеко не случаен. В народе знают, что прохладная, без дождей весна сулит дождливое лето и плохой урожай, а хороший урожай на шишки бывает именно в прохладную весну (*коль артмо кодзыд тулыс помо* – коми-зырянское): весенняя прохлада помогает шишкам сформироваться и не опасть из-за резкого прихода тепла. Стоит, впрочем, отметить, что в примете косвенно задействована и другая, «мифологическая» идея – восприятие личности детей как вестников иного мира, существ, обладающих мистическими способностями.

В культуре коми народов, на наш взгляд, более разнообразны приметы, где погодный прогноз опирается на наблюдения за поведением животных. Наряду с известной и русским приметой *вороны громко кричат летом – к дождю*, у коми бытуют приметы *мосьяс ёна баксоны – зэр рас* («коровы сильно мычат – пойдет дождь»), *чукора ыжъяс баксоны – зэр водзын* («овцы всем стадом блеют – перед дождем»). Особенно активно у коми народностей (в связи с большей включенностью в природную среду и богатым промысловым опытом) используются наблюдения за поведением диких зверей, рыб, птиц: коми-зырянск. *посни комлон чеччалом – ва туом водзын* («мелкий хариус скачет – будет прибывать вода»), *налим куйло юрнас ва кывтчос – ва туом водзын* («если налим лежит головой вниз по течению – к половодью»). Первая примета фиксирует наблюдения за насекомыми, так называемым «воздушным» кормом молодежи хариуса, которые низко вьются над водой перед дождем. Вторая примета учитывает особенности повадок налима, который активен лишь в проточной, холодной воде; обычно он идет на кормёжку вверх по течению. Вниз, в устье рек, куда постоянно поступает свежая вода, он спускается во время паводка. Обращения к персонажам дикой природы в коми приметах проявляются в том числе и в образных аналогиях: коми-зырянск.

енэжыс ко дозмор сера – зэра лоо («небо цвета глухаря – к дождю»), *кыморыс ко налим сера – зэрас* («если тучи налимого цвета – быть дождю»).

Более выраженный интерес в коми культуре к нюансам жизни природного мира иллюстрирует охотничья коми примета *лымсо ко кочыс пуркйо туйланьыс, кузь туйыс пом лоо, а ворланьыс ко гудйо, дженъыд туйыс пом лоо* («если заяц роет снег и бросает в сторону дороги – к затяжной весне, а если в сторону леса – к короткой») (примета, по нашим наблюдениям, известна также охотникам коми-пермякам и русским охотникам Коми-Пермяцкого округа, хотя последними чаще воспринимается скептически). Ее основание – определение ориентации заячьих нор, которые зайцы создают для дневной лежки в надувах снега. Для норы заяц выбирает места с хорошим обзором на случай бегства от опасности, обязательно маскируя свой схрон (снег не выбрасывает, а уминает в норе). Ориентируя лаз, заяц, который в норе ложится головой к входу, «учитывает», скоро ли растает снег: если снег долго пролежит, именно выход к открытой местности позволяет легкому зверьку убежать от преследователей по спасительному снегу (иначе нужен выход в сторону леса, где можно затеряться, но бежать сложнее). Характер прогноза в коми приметах более типичен для промысловика, нежели земледельца: коми-зырянск. *арнас чардало – потка быдто* («осенью молния сверкает – дичи прибьет»); в сходной русской примете *если гром гремит в сентябре, значит, осень будет тёплой и долгой* акцент делается на общем состоянии природы. Обе приметы по сути указывают на хозяйственно значимый признак: количество кормовой базы.

Об определенном своеобразии коми примет свидетельствует и частая фиксация в них наблюдений за изменениями в мелких деталях окружающей бытовой обстановки. Так, примета *толын одзос корт тув туйод ко гыор пырас, сэк шонді бергодчома нин* («если зимой в избе показался иней на гвоздях двери, солнце повернуло на лето» – коми-зырянск.) по сути соответствует русской *солнце на лето – зима на мороз*, где прогноз на грядущие морозы сформулирован более абстрактно. Аналогично прогноз на дождь в марийской примете *во время сенокоса на лезвии литовки появляются радужные оттенки – после обеда будет дождь* основывается на указании на блеск, радужные разводы на поверхности отполированного при косьбе намокшего от травы металла (ср. более общее соотношение в русской примете *утренняя радуга – к дождю*).

Приметы, как научно обусловленные, так и суеверные, в целом ряде случаев демонстрируют

соответствия, в том числе буквальные, в русской традиции и в традициях финно-угорских народов. В отличие от научно-предсказательных примет, в которых более наглядно представлен культурно-исторический опыт хозяйственной деятельности и условий жизни народа, этническое своеобразие суеверных (мифологических) примет установить сложно. Народная культура носит всемирный характер, и задействованные в приметах странствующие межкультурные символы (как и питающие их мифы) автохтонно возникают «во всех углах земного шара» (Юнг 1995: 161). Этническая специфика суеверных примет ощущается прежде всего в некотором своеобразии семантического развертывания структурирующих их символов, в нюансировке устойчивых мотивов их применения.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ №12-21-01002 «Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси (конец XV–XXI вв.)», гранта РГНФ №13-14-59008 «Русские говоры Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования и развития».

² В статье использованы русские народные приметы, собранные в русском Прикамье и в основном опубликованные автором в сборнике «Сны, приметы, загадки, поговорки» (Пермь, 1994. 74 с.); материалы сборников и других изданий, отражающих удмуртские, марийские, коми-пермяцкие, коми-зырянские, коми-язьвинские приметы (Кудряшова В. М. Коми народные приметы. Сыктывкар: «Эском», 2007. 192 с.; Китиков А. Е. Марийские народные приметы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. 284 с.; Смирнов И. Н. Пермьяки: историко-этнографический очерк // Изв. общ-ва археологии, истории и этнографии при Импер. Казанском ун-те. Казань, 1891. Т. IX, вып. 2. 296 с.; Традиционный фольклор язьвинских пермяков. Ч. I: учеб.-метод. пособие / сост.: Т. Г. Голева, А. С. Лобанова, Л. Г. Пономарева, А. В. Черных. Пермь, 2006. 62 с.). Отметим, что в выборе материала применялся широкий подход к пониманию жанра примет – в исследование включены как собственно приметы, так и некоторые запреты и предписания, нарушение которых в народной культуре также связано с прогнозом на будущее.

Автор выражает признательность исследователям коми-пермяцкой культуры и коми-пермяцкого языка А. С. Лобановой и Т. Г. Голевой за помощь в работе над статьей.

Список литературы (с сокращениями)

Агапова Н. А. Ключевое слово народной приметы // Язык и культура. 2012. №2. С. 5–14.

Валенцова М. М. Первый в славянской традиционной культуре // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2002. С. 192–208.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Языковая игра в русских народных приметах // Политическая лингвистика. 2002. №8. С. 97–104.

Гура А. В. Кукушка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 36–40.

Гура А. В. Мышь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 347–349.

Закиров М. И. Концепт вода/су в русских и татарских народных приметах. АКД. Казань, 2009. 20 с.

Иванова Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы. АКД. Псков, 2005. 23 с.

Кулькова М. А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. 220 с.

Кутцевичова Е. Средства реализации рифм в русских народных приметах о погоде // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2010. Вып. 2. С. 39–47.

Неклюдов С. Ю. Почему сказки одинаковые? // Живая старина. 2004. №1(41). С. 7–10.

Садова Т. С. Запретительная примета: к лингвистике фольклорного текста (на материале полевых записей на Русском Севере) // Рябининские чтения – 2003. Музей-заповедник «Киж». Петрозаводск, 2003а. С. 340–341.

Садова Т. С. Народная примета как текст: Лингвистический аспект. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2003б. 212 с.

Семененко Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка). АДД. Белгород, 2011. 46 с.

Симашко Т. В. Проявление субъектной позиции в современных приметах // Проблемы концептуализации действительности и моделирование языковой картины мира: сб. науч. тр. Москва; Архангельск, 2011. Вып. 5. URL: <http://rud.exdat.com/docs/index-640367.html> (дата обращения: 28.10.2013).

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Л.: Наука, 1976. Вып. 11.

Толстая С. М. Дни недели в народной магии // Живая старина. 2008. №2. С. 2–5.

Туганова С. В. Экзистенциальное понятие смерти в суеверном сознании (на материале русских и английских примет антропологической направленности) // Вестник ТГГПУ. 2011. №1(23). С. 192–198.

Фаттахова Н. Н. Народные приметы в русском и татарском языках: семантико-сентаксические отношения. Казань: РИЦ «Школа», 2004. 192 с.

Фаттахова Н. Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования и функционирования. Казань, 2009. 210 с.

Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы. Белгород, 2008. 224 с.

Христофорова О. Б. К вопросу о структуре приметы // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/hristoforova2.htm> (дата обращения: 28.10.2013).

Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды русского Севера. СПб., 1996. 196 с.

Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.; М.: Ювента; Прогресс – Универс, 1995. 716 с.

UNIVERSAL AND SPECIFIC IN FOLK SAYINGS TEXTS (on Russian and Finno-Ugric folklore data)

Ivan A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Semantic peculiarities of folk saying texts found in Russian speech, Prikamye folklore, Finno-Ugric cultures and languages (Komi, Udmurt and Mari) are described. Typological affinities of these folk sayings and their relatedness to traditional cultures complexes are revealed (magic, calendar and family ceremonies). Motivation, peculiarities of inner form, natural-science and mythological basis, logical and mythological implication of the folk sayings are analysed. Cultural associations of key words-symbols in the folk sayings that have direct equivalents in the studied languages and cultures are characterized, the structure and types of the used in the folk sayings symbols are described, conclusions concerning ethno-cultural peculiarities of this genre are made.

Key words: language and folklore; mythopoetics and ethnopoetics of folklore; symbolism in traditional cultures; symbol in folklore text; typological equivalents and ethnic specificity of folklore small genres; semantics and motivation of proverbial expressions.